

Между внутренним и внешним

ЭТОТ номер посвящен мимикрии — чрезвычайно вариативному явлению животного мира, которое в философии рассматривается как вопрос о миметизме как таковом. С позиции наблюдателя мимикрия кажется занимательной подменой и эстетическим обманом, театральным трюком природы. Из перспективы переживания процесс мимикрии оказывается опытом перехода границ — между внутренним и внешним, различием и неразличенностью, мимесисом и его изнанкой. Задачей философа становится картография границ и изучение переходов, а разные пути исследования обнаруживают свою общность в выявлении как разрыва и события, так и растворения, движущегося к имманентности.

Сегодня мы задаемся вопросом о мимикрии, с одной стороны, на волне философского поворота к нечеловеческому; с другой — в контексте вопроса о социально-политических аспектах мимикрии; с третьей стороны, продолжая современные тенденции в антирепрезентативном прочтении мимесиса. Помимо своего буквального воплощения — в способности животного тела к уподоблению, — мимикрия может быть осмыслена как универсальная тенденция, проявляющаяся в разных областях мира. Раскрыть содержание этой тенденции — также задача нашего номера, объединившего различные подходы к изучению данного феномена.

Номер разделен на три блока. В первом мимикрия выступает в значении события, которое разрывает привычный порядок и имеет потенциал для переопределения положения вещей. Второй блок выявляет проблемы и узлы напряжения внутри миметических процессов — заикленность, раздвоенность, всегда невосполнимое стремление. Третий блок посвящен мимикрии как опыту фасцинации и растворения: исследуются основание и онтологическое значение такого переживания, а также его роль в процессе познания.

В статье *Александра Дюттманна* звучит призыв: «Будь миметичным!» — в котором бытие и кажимость оказываются подвешенными, открывая пространство комедии и игры. Здесь привычный модус существования становится событием: мимесис превращает действие в нечто большее. Раскрывается различие между игрой комика или актера и другим модусом миметического поведения, обнажающим парадоксальное «притворяться тем, кто ты есть».

Автор следующей статьи, *Артем Серебряков*, рассматривает мимикрию с точки зрения ее эмансипаторной силы, иллюстрируя существенные сходства игры и политики. Обращаясь к рассказу Кафки, автор ставит вопрос: что значит быть чем-то радикально отличным от сво-

его способа существования — что значит быть мостом и как им быть? В этом вопросе на поверхность выходит смелость детской попытке переживать становление — мостом, ветряной мельницей, железной дорогой — в процессе игры. Детское желание и его воплощение в игре обнажает что-то лежащее за пределами специфики детского опыта, — «возможность быть не теми, кем нас определяет наличный порядок, и действовать не так, как этот порядок нам предписывает».

Мимикрия, выступающая в качестве стратегии борьбы с властью, приобретает особое значение в феминистской теории: с одной стороны, потому что сама женственность связана с маскарадом, и с другой — поскольку женщинам, как угнетенной группе, приходится мимикрировать ради выживания. Так, *Яна Маркова* рассматривает мимикрию с точки зрения ее потенциала к подрыву патриархального порядка изнутри. Действуя как стратегия разоблачения, мимикрия деконструирует порядок, однако вырождается в меланхолической аффектации: повторение одного и того же жеста, демонстрирующего несостоятельность патриархата, в тяжелых условиях борьбы оказывается недостаточным. Данный же текст предлагает альтернативный ход, помещая в центр внимания мимесис не пародийный, а возвышенный. В таком случае миметическое повторение способно выхватывать апроприированное властью «женское» и наделять его новым смыслом.

Статья *Алины Кондаковой* посвящена критике и переосмыслению понятия миметического насилия Рене Жирара. Согласно исследовательнице, обращение к сущности насилия как такового предполагает необходимость переосмыслить антропологическую логику Жирара, переведя рассуждение в контекст онтологического вопроса. В процессе этого хода открываются не только слепые пятна жирардианской теории — неравновесное положение соперников и сущность коллективного насилия, — но и перспективы выхода из замкнутости миметического цикла через обнаружение возможности гетерогенного не-миметического насилия.

Функционирование миметической теории Жирара из перспективы двойничества в любви раскрывается в статье *Екатерины Григорьевой*, где любовь — это отношение между тремя: субъектом, объектом любви и их медиатором. Любовь оборачивается одержимостью идеальным Другим, в которой ревность — конститутивный элемент желания. В статье утверждается, что любовь, рассматриваемая с точки зрения жираровской триадичной схемы, является игрой, в которой ты всегда уже проиграл. Этот проигрыш следует из самого основания такой игры, он предзадан и неизбежен. Любовь трактуется как конфликт, который воспроизводится вновь и вновь в конкурирующей борьбе двойников, а желание, разворачивающееся в напряжении этого конфликта,

полагается направленным на нечто сущностно недостижимое. Обнаруживается, что миметический процесс конститутивно связан с невозможностью и недостижимостью финальной разрешающей точки.

Преодолеть двойничество мимесиса через непрерывность мимики предлагает Елена Костылева, которая рассматривает оригинальную концепцию «фаллического зрачка» Александра Горского. Горский выделил три миметических принципа, лежащих в основе психоанализа: аутоэротическую зеркальность, внутрителесность пространства и органопроекцию. Отмечается, что эти принципы основаны на полагании раздвоенности — в основании человека как сущностно амбивалентного существа и в проективных отношениях между человеком и миром. Стремление Горского «удержать образ, насладиться им не как представлением, не как репрезентацией, но как явлением» становится основанием его теории, в которой господству оптической ориентации пространства противопоставляется магнитно-облачная, а зрению как отражению реальности — зрение, которое впитывает и производит.

Лина Булахова проводит оригинальное исследование, в котором животная мимикрия демонстрирует параллели с мимикрией божественной — специфически человеческой, в которой человек подражает Христу. Текст выявляет миметические процессы в теологической картине мира, точки пересечения христианских практик и мимикрии. Так, мимикрия является желанием вернуться в примордиальное единство мира, а аффективно переживаемое обособление человека от среды трактуется как последствие первородного греха. В практике отшельничества отношения с пространством выходят на первый план: отшельник стремится к ангельскому состоянию через слияние с пустыней — неопороченной материей. Выдвигается тезис о том, что мимикрия — это подражание полноте и завершенности, что обнажает ее политическое измерение: что предлагает себя в качестве идеала полноты и кто замещает бога?

Растворению субъектности в среде посвящена другая статья номера — о мимикрии как искушении пространством. Анна Шашкова развивает интуиции французского философа Роже Кайуа, который обратил внимание на мимикрию как на феномен, одинаково близкий животному и человеку. Точкой контакта с нечеловеческим становится измерение эстетического, которое рассматривается сквозь призму философии Гастона Башляра — через понятия «грезы» и «материального образа». Автор намечает основной конфликт, свойственный мимикрии, — ее неоднозначное положение между движением к имманентности и производством различия.

Екатерина Хан анализирует fasciniрующее воздействие пассивной материальности — камней, — выделяя различные типы

их значимости для человека: камень выступает символом и следом, прообразом письменности, фактом красоты и мотивом для искусства. Центральную проблему текста составляет процесс работы воображения, захваченного статичным образом камня. Исследуется механизм «демона аналогии» и способы построения антропоморфных фигур. Взгляд вовне оборачивается взглядом внутрь, на человеческое, обнажая проблемы геофилософского подхода.

В статье *Нины Савченко* погружение внутрь мимикрии раскрывает сущностную конфликтность в отношениях внутреннего и внешнего, обретающую форму в процессах интроекции и проекции. Завороженность мимикрирующего существа внешним истолковывается из перспективы психических процессов: так, невротик переносит свои чувства на случайный объект внешнего мира, а психотик становится «вещью среди вещей». Отношения человека и мира определяются двойным миметическим движением: вписыванием себя в мир и отпечатыванием мира в себе.

* * *

Событие, разрывающее привычный порядок, попытка совершить превращение и приблизиться к иному модусу существования непосредственным интуитивным движением, миметическая заикленность и возможность ее преодоления — все эти мотивы, перекликающиеся в столь разных текстах, говорят о том, что мимикрия, понимаемая как всего лишь конформизм, нуждается в переосмыслении. Соппротивление можно встретить не в противостоянии мимикрии, а внутри нее самой — там, где вместо утверждающей себя самости, нуждающейся в признании другого, окажется самость, движимая трансформацией и растворением в ином. Вместо отзеркаливающих друг друга миметических соперников-двойников, пытающихся утвердить собственное различие при сущностной тождественности, обнаруживается обратное мимикрирующее движение, где различие парадоксально высвобождается из движения к неразличности. За кажущейся пассивностью открывается партизанский подрыв навязанного смысла и его смещение. Однако к мимикрии остается множество вопросов: не происходит ли так, что за кажущимся прорывом к материальности и новому смыслообразованию во взаимодействии с ней скрывается самообман? Растворяемся ли мы в другом — или, напротив, в иллюзорном растворении отказываем ему в возможности быть собственно другим, не поддающимся непосредственной интеграции в наш мир?

Анна Шашкова